

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДЕТСТВО

Мир теней и тайн

Ольга Егошина

Игра

ВСЯКИЙ раз, когда попадаешь в нестройную галдящую толпу голов русых, черных, каштановых, кудрявых, на прямой и на косой пробор, буйно лохматых и просто непричесанных, с косичками, хвостиками, бантами и заколками, вспоминается фраза избитого анекдота: как хороши у вас дети! С двух лет умеющие отличать «спичерс» от «марса», «баунги» от «гидса», мыло «камэй» от пасты «блендекс!» Чебурашка и Винни-Пух уступили место черепахам индиан и дяде Скруджу. Страна Оз вытеснил Изумрудный город. Андерсена заменил Уолт Дисней. Их мир так отличается от нашего, что вдруг начинает тянуть к чему-то заповедно сохраняемому: к песенкам о Сапожнике в круге или Дне Рождения. К стихам Михалкова и Маршак. И когда этот разрыв начинает всеерьезно тревожить, мы берем их за полную ручонку и отправляемся в детский театр, где с удивлением и недоверием вдруг понимаем, что ничего не изменилось. Те же стены и потолки, требующие ремонта. Полуотстой зал, а чаще зальчик, кое-как переделанный из районного кинотеатра. Тот же вечно гаснущий в самые неподходящие моменты свет рампы. То же чувство некоторой неловкости от панбратского заигрывания взрослых дядей и тетей. Наконец, тот же Емеля со щучкой, те же несни Никитиных...

Можно сколько угодно сетовать о бедности, не позволяющей провести решительную модернизацию, реконструкцию и перестройку. Но речь о другом. Есть свое странное и грустное очарование погружения в прошлое, возвращения в детство. Тыходишь в родной дом, и вдруг сузившее пространство когда-то такой большой комнаты покажет тебе, что ты вырос. Может, подлинное бессмертие театра ощущимо не на великолепных премьерах с аншлагами, цветами и аплодисментами и даже не в те редкие мгновения высокой ясности, полноты и подлинности бытия, когда замирает потрясенный зрительный зал, ощутив, до слез Грина, дуновение Нездешнего, а в этих семейных поскрестных выходах в свой районный скромный театр, в который всегда

есть билеты, а на представлении шуршат бумажки конфет, купленных в буфете.

На авансцену выходит вечный кукольник со своим театром, от которого замирали бабушки и прабабушки, пра-пра-прабабушки и уж совсем пра-пра-пра-пра... «Здравствуйте друзья, мы начинаем наше представление!» Так начинается спектакль «Страна превращений», недавняя премьера в Театре Теней.

Название этого театра отсылает к миру сказок и в головокружительную

и иногда в разных одеждах. Один персонаж часто ведёт два, а то и три кукольника. Один ведёт голову и глаза, второй — ноги, а третий машет рукой. Эти движения напоминают балетные па. И глядя на синхронную работу трех человек, ставших единым целым, вспоминаешь размышления Виктора Некрасова о видах искусства (прежде всего цирке и кукольном театре), где практически невозможна подделка и имитация. Диетант на драматической сцене тоже виден, но далеко не с такой ошеломляющей наглядно-

большом мире, где злые мысли рожают чудовищ, а добрые — красоту и радость, дает возможность разворачивания самых красочных картин. Страна отражений, теней, снов, фантастических, рождающихся среди жара и блеска угля в камине, от теплоты комнаты и вечерних сумерек.

На белом экране возникает цветок, за ним еще... потом еще один. Цветы кружатся в хороводе, переливаясь и блестя всеми цветами радуги. Черные фигурки героев растворяются, выбирая блики и ослепительное сияние торжествующих красок. Белая ворона, которая вовсе не ворона, а почтовый голубь. Сочетание живых актеров, объемных кукол, черных и цветных теней в пределах одного спектакля позволяет создать многослойное зрелище (хотя не всегда удается добиться органической связи всех элементов). Длинный нос проплевывает морали торчит с такой откровенностью, что его скоро перестанешь замечать. Как и положено в сказке для малышей: все заканчивается веселым возвращением домой.

Говоря о детском театре, мы либо восхищаемся подвигами, которые, существуя на мизерную зарплату, обделенные вниманием критики и зрителей, продолжают свой нелегкий и часто неблагодарный труд. Либо возмущаемся халтурными постановками для «галочки», с их откровенной уверенностью, что для детей и так сойдет. Либо (что чаще всего), вздыхая, пожимаем плечами. И все эти реакции — от умения до пренебрежения — идут от глубоко укоренившегося ощущения второстепенности детского театра, от снисходительности взрослого, загнанного неадаптолога в детский сад и последиженного на лошадке-качалке. Смахнул слезу невольного, мы торопимся встать с неудобного сиденья. Маленький принц говорит с нами языком детей и ангелов, а мы советуем ему почистить ногти и не разбрасывать игрушки. Из всего мира проблем и расхождений мы свысока озираем детскую жеманную тайн, звезд и теней. Как глухой У-ди, мы не можем понять, что теновой силует на экране — ведь куда более головокружительная и необычная, чем явление природы. Детский театр — необыкновенно требовательная вещь. Ему трудно соответствовать. Может быть, поэтому многие родители предпочитают коротать спектакль в фойе!

«Страна превращений».

даль традиции: к безудержному императору Ханьской династии У-ди (140—86 г. до Р.Х.), тоскующему после смерти любимой наложницы. Даосский жрец и великий обманщик из государства Ци Чжао-ман с наступлением ночи заткнул проем дверей дворцового зала белой шелковой материей, поставил позади свечи, а в проем жужок между ними поместил вырезанную из бумаги фигуру, тень от которой император мог наблюдать в зале. В неясном сиянии император узнал свою любимую. А когда спустя некоторое время обман открылся, Чжао-ман был жестоко наказан. Так, с самого рождения театр теней был связан с ночью, тайной, любовью, смертью и обманом.

И вот уже два тысячелетия ученики учеников даосского мудреца натягивают белый занавес и берут в руки куклы. Каждая кукла клеится из разноцветных кусочков, плотно подогнанных друг к другу. Каждая кукла существует в разных ракурсах

как на манеже цирка, где он вздумал бы погонгировать коальцами или походить по проволоке.

Наблюдая спектакль «с изнанки», ловишь себя на том, что зрелище по-настоящему профессиональной работы завораживает высокой точностью каждого движения и жеста. Порядок, в котором развешены куклы, смены цветных фильтров прожектора, появление и исчезновение кукол на экране — ни одного сбоя или заминки, никакой суеты и толкухи: каждый на своем месте... В эти минуты они действительно напоминают жрецов неведомой культуры: отрешенных, погруженных в себя, священнодействующих в замкнутом пространстве, отделенном от остального мира.

Непритязательный и изысканный текст Владимира Шацкова о брате и сестре, оказавшихся в чудесной стране, постоянно меняющейся в зависимости от мыслей и настроений, которые приходит к людям в

«Кедровская газета»

13 мая

1994 г.